

гражданина в строительстве и защите нового государства.

В 1934–35 появляются в печати рассказы «Железная утка», «Рыбья карта», «Васса», «Госпожа Слива», «Труба» и др.

В 1937–38 Д. публикует рассказы «Командант Птичьего острова», «Конец Саго-Мару», «Бери-бери» и др., позднее объединенные под общим названием «Приключения катера „Смелый“». В 1939 по сценарию Д. Поставлен фильм «Командант Птичьего острова».

В нояб. 1939 Д. в качестве корреспондента «Правды» едет на финский фронт. Погиб в бою.

Соч.: Избранное. М., 1948; Избранные произведения. М., 1956; Избранное. М., 1986; Бой. М.; Л., 1931; Застава Н. М., 1933; Госпожа Слива. М., 1935; Железная утка. М., 1936; Патриоты. М., 1939; Егор Цыганков. М., 1939; Приключения катера «Смелый». Хабаровск, 1940; Командант Птичьего острова. М., 1941; Приключения сторожевого катера. М.; Л., 1946; Дальневосточные рассказы. М., 1947; Конец «Саго-Мару». М., 1948; Патриоты: Избранное. М., 1960; Приключения катера «Смелый». Патриоты. Владивосток, 1985; Командант Птичьего острова. Хабаровск, 1987; Патриоты. Рассказы. М., 1987.

Лит.: Левин Ф. Сергей Диковский // Диковский С. Рассказы. М., 1940. С. 3–8; Тарасенков А. Книги Сергея Диковского // Вокруг света. 1941. № 1. С. 48–49; Эрлих А. Родина // Огонек. 1941. № 9. С. 17; Костицин А. [Предисл.] // Диковский С. Приключения сторожевого катера. М.; Л., 1946. С. 3–6; Черняк Я. Испытанное временем // Новый мир. 1948. № 2. С. 243–249; Диковская В. Сергей Диковский (1907–1940) // Диковский С. Приключения катера «Смелый». М.; Л., 1949. С. 3–7; Эрлих А. Избранные произведения Сергея Диковского // Огонек. 1948. № 27. С. 21; Львов С. Целеустремленный талант // Лит. газ. 1964. 5 авг.; Русские советские писатели. Прозаики: биобибл. указатель: в 7 т. М., 1959–72. Т. 1. М., 1959; Писатели Дальнего Востока: биобибл. справочник. Хабаровск, 1973. Вып. 1. С. 80–84; 1989. Вып. 2. С. 80–82.

М. А. Ефремова

ДМИТРИЕВ Олег Михайлович [1.7.1937, Омск — 9.12.1993, Москва] — поэт.

В 1959 закончил ф-т журналистики МГУ. Первые стихи опубликовал в коллективном сб. «Общезитие» (1961), где, кроме него, были представлены В. Костров, Д. Сухарев и В. Павлинов.

Д. начинал как романтик. В своих стихах он любит людей дела, первооткрывателями, геологами, заметно героизируя их. Вскоре лирика его обретает эпические свойства, а герои стихов — бытовое правдопо-

О. М. Дмитриев

бие, сохраняя, тем не менее, качества, составляющие, как тогда говорили, «положительный образ молодого современника». В студенческие годы и после окончания ун-та много ездил по стране, увлеченный романтикой целины, гигантских строек, геологических открытий, неожиданных встреч. На волне молодого энтузиазма, наваянного ветрами первой «оттепели», и рождались первые книги поэта «Проспекты и просеки» (1963) и «Арбатские сибиряки» (1965), в которых было немало точно схваченных, хотя и не всегда поэтически осмысленных зарисовок с натуры.

Заметной в творчестве Д. стала книга «Удар по кремню» (1967), открывающаяся концептуальным для поэта стих. «Я полюбил спокойную манеру...», где он определил дальнейшую линию творческого поведения и нравственно-эстетическую позицию: «...ценить слова и зря не тратить их». «Спокойная манера» подобна «медленно катящейся реке», которая течет, «зависая очень мало от ливней и от таянья снегов». Д. отвергает суету и мелочность в пользу непреходящего, «вечного». Речь идет о манере, шире — о стиле, и его стихи отнюдь не лишены ни волнения, ни страсти.

Муза Д. стала строже. Поэт, переборов тягу к романтическим абстракциям, заглянул в забытые уголки жизни и осветил их лучом

поэзии. Как бы заново увидел он и городскую окраину, и базары, и разрушаемый дом на Арбате, пронзительно ощутив сокрушительные последствия наступления цивилизации на природу: «К стволу прислонившись плечом, / Стою я, зажмурясь от боли, / Как будто мечом рассечен, / Границей асфальта и поля». В 1960-е Д. переживает общее для поэтов его времени острое влечение к природе, носившее у него сентиментальную окраску. Впрочем, от инерции «советского руссоизма» его спасало чувство юмора: «Выучу названия цветов, / Буду травы звать по именам! / Кто-то улыбнется — я готов / Быть смешным по нашим временам!» (сб. **«Летом на земле»**, 1970).

Тем не менее, Д.— поэт города, его поэзия вобрала в себя ту сумму опыта, которая связана с Москвой. «Возвращение в город» — это и тема стихов, и метафора, раскрывающая лучшие движения души Д. Он делится с читателями воспоминаниями о старой Москве, «о доме с мезонином / Под крышей кружевной!», размышляет о том, что же будет дороже новым поколениям москвичей — «Особняк столетний / Иль башня в сто окон?» (**«Новая Москва»**). У зрелого человека свой взгляд на обновленную Москву, он может вызвать в своих воспоминаниях ее старый облик, например, Суворовский бульвар, как в одноименном стих.: «И там сегодня, без вина хмелея, / Я в желтых листьях, в ливнях и в снегу / По голубой от сумерек аллее / Навстречу русой девочке бегу». Поэт не возражает против появившегося здесь тоннеля, в котором «...авто скрываются. / И вновь из тьмы являются на свет...». Он принимает это как неизбежность меняющейся жизни и, обращаясь к Москве, восклицает: «О, наслаждение — / Твою постигнуть красоту: / Старинных зданий возрождение, / Строений новых высоту!».

Для Д., мальчиком гонявшего футбольный мяч по асфальту московских дворов, встреча с рекой и лесом в зрелости не сразу обернулась поэтическими открытиями. Должно было появиться то ощущение природы, которое не форсировало чувство, но сохраняло открытость души для свежих впечатлений, способность удивляться прекрасному: «И слушая, как бьют часы Кремля, / Я видел луг, усыпанный росой, / Мне вспоминалась мягкая земля, / податливая под ногой босою...».

Город Д. ощущает как истый горожанин — одновременно любит и клянет его, рвется из города и не может без него жить. Он видит «неприветливый город, где небо квадратно», и у него вырывается вздох обле-

чения, когда за светофором возникает дом, в котором он живет: «Как спокойно на родине! Шепчут шины, / И трамваи звенят за углом...» Позднее поэт скажет: «Мое отдохновение — Москва: / Заяузые, Арбат, Замоскворечье...» Д. использует в стихах о Москве преимущества детского, самого непосредственного ощущения большого города. Он еще помнит «скрип валенок, дразнящий свист саней / В аллеях Александровского сада». Образ Москвы в стихах Д. создают ее улицы и переулки, Москва-река и Яуза с их мостами, особенно любимо Замоскворечье с Николой в Кузнецях, Черниговским и Малым Толмачевским переулками, дворы и дворики, звонки трамваев — это свидетели детства, свидетели истории.

В стихах и поэмах Д. Москву можно увидеть во все времена года и в любое время суток, увидеть лиловые закаты и рассветы над Москвой, «когда от куполов Кремля вокруг / Расходится сиянье позолоты...». Свою Москву поэт дарит читателю как некую панацею от боли и обид: «...В невыносимый день, в ужасный час / Идите в Кремль, и старые соборы / Спокойствием своим поддержат вас». Словно глядя на Москву сверху, Д. рисует панорамную картину города: «Бульварное кольцо / Лежит в кольце Садовом. / Садовое кольцо / Лежит в кольце застав. / А из него Москва / Стремится к далям новым, / Как руки, широко / Проспекты разметав» (**«Вековые кольца»**). Этот почти кинематографический ракурс позволяет заключить в пределы одного стих. и развернутую панораму Москвы со словно сошедшим с небес Кремлем, и кольца дорог, и города-спутники, стоящие как стражи вокруг столицы, и устремленные к ней поезда, и людские потоки, вливающиеся в улицы города, оживляя и одухотворяя его. Удивительно теплыми московскими пейзажами наполнена поэма **«Замоскворечье»** (1977–78). Маленькая поэма **«Две Анны»** (1983) начинается со строк, ставших ее лейтмотивом: «А в Измайлове пахло весенним дождем / И листвой, и землей, и смолой...».

Д. может плениться красотами Беломо-рья, карельских озер, передать в стихах таинственное свечение сев. пейзажа. Но сердце его принадлежит Москве. Он любит ее такую, какую она вошла в юное сознание, и, представляя себя воскресшим в XXV в., Д. и тогда идет «в направление старины»: «К своей Москве в другой Москве пойду / И через двести лет, и через триста». Д. не просто поэт города, он — поэт Москвы.

Город в лирике Д.— это большая самостоятельная тема, отражение духовной и нравств.

жизни современника в ее наименее исследованном варианте, в ней он совершенно суверенен. Из наиб. последовательно разработанных поэтом следует назвать также темы дружбы, товарищества как категорий не только этических, но и эстетических («мои друзья — хорошие поэты...»). Беспечность и юношеская неразборчивость в дружбе уступают место пониманию сложности этого чувства, ибо каждый человек — это целый мир неразгаданных тайн, связей, надежд и стремлений. Он ценит в дружбе чувство взаимопонимания, хранит верность старым привязанностям. В стих. «**Приглашение друга**» (1976) он вспоминает: «Сколько был широк беспечный круг / У нас вначале!». С годами круг друзей сужался. Но, теряя чью-то дружбу, поэт желал одного: «Но все ж, бывшая дружба, / Не обернись враждой». Обращаясь к своим сверстникам, поэт высказывает заветное: «Пошли вперед — / Длинна ли, коротка ли / Сейчас ложится каждому стезя. / Всех вас хочу увидеть стариками, / Мои сорочкалетние друзья!»

Д. всегда оставался «городским» поэтом, и время отразилось в его лирике через сознание и комплекс переживаний столичного жителя.

В последние годы жизни в творчестве Д. появились «иронические» стихи, остроумнейшие эпиграммы, пародии, шутки. Кое-что из этого рода соч. он опубликовал («**Иронические страницы**» в «Избранном»), однако большую часть еще предстоит собрать и напечатать.

Соч.: Удар по кремню. М., 1967; Давно и недавно. М., 1986; Избранное / вступ. статья Е. Сидорова «По московскому времени». М., 1987.

Лит.: Михайлов Ал. Поэзия города // Октябрь. 1976. № 8; Болдырев Ю. Свет добра // Неделя. 1985. № 4; Пикач А. Время для большого разговора... // Нева. 1986. № 7.

Ал. А. Михайлов

ДОБРОЛЮБОВ Александр Михайлович [27.8(8.9).1876, Варшава — 1945(?), ст. Уджары, Азербайджан] — поэт.

Сын действительного статского советника, неперменного секретаря по крестьянским делам в Царстве Польском. Получил домашнее воспитание. Отличался превосходной памятью, много и увлеченно читал. Знание иностр. яз. позволяло ему знакомиться в подлиннике с западноевропейской лит-рой. В течение 5 лет учился в Варшавской гимназии. Отставка отца в 1891 побудила семью вер-

нуться в Россию. После окончания 6-й Петербургской гимназии опубликовал первую книгу стихов «**Natura naturans. Natura naturata**» («Природа порождающая. Природа порожденная») (1895) и в этом же году был без экзаменов принят на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та. Победив искушение декадентства, Д. приходит к решению порвать с «жестоким развратом», изысканными ощущениями и доведенным до отвлеченности «безумием конечного мира». Об этом духовном перевороте Д. в письме к другу рассказывает: «Уже год совершался в глубинах моих новый переворот, и часто плакало сердце. Это время было самое тяжелое для меня» (РО ИРЛИ.— Ф. 77). Идею своего опрощения и жертвенного подвижничества ради преодоления пропасти между «образованным» обществом и людьми труда он реализует в конкретных действиях: оставив ун-т и получив свидетельство о высшем образовании за 3 курса и отпускное удостоверение с правом на выезд, Д. раздает свои вещи, книги и рукописи, отрекается от дворянского звания в паспорте и весной 1898 начинает существование человека, живущего плодами своих рук. Такова была цель его ухода на Север, странствий по Олонецкой и Архангельской губ., пребывания в Соловецком монастыре, где он, будучи «трудником», носил вериги, готовясь принять послушание. Покинув монастырь для осмысления пути и обретения единомышленников в среде людей физического труда, Д. продол-

А. М. Добролюбов